

Т.В. Якушева

Судебное следствие как средство достижения обоснованности приговора

Эффективность правосудия по уголовным делам определяется качеством приговора, в том числе его обоснованностью. Важным средством достижения обоснованности приговора является судебное следствие. Существенное значение судебного следствия для достижения обоснованности приговора отмечено Пленумом Верховного Суда РФ, разъяснившим, что в силу ст. 301 УПК РСФСР приговор может быть основан лишь на тех доказательствах, которые в соответствии со ст. 240 УПК РСФСР были непосредственно исследованы в судебном заседании. С учетом указанного требования закона суд не вправе ссылаться в подтверждение своих выводов на собранные по делу доказательства, если они не были исследованы судом и не нашли отражения в протоколе судебного заседания [1, с. 2].

Определяя содержание судебного следствия по ныне действующему законодательству, следует выделить требования, без соблюдения которых судебное следствие юридически будет несостоятельно и его результаты не могут лечь в основу приговора: 1) руководящее положение объективного и беспристрастного суда; 2) оглашение обвинительного заключения до начала исследования доказательств; 3) участие равноправных сторон; 4) получение и исследование каждого вида источников доказательств с соблюдением процессуальной формы, установленной законом; 5) своеобразная «опосредованная непосредственность» деятельности, устная, непрерывность; 6) протоколирование хода судебного следствия. При этом речь идет о внешних формах судебного следствия, выражающихся в круге участвующих в нем лиц и элементов судебной процедуры.

Участие подсудимого в судебном разбирательстве не включено в круг таких условий, исходя из возможности заочного разбирательства, как допускаемого исключения из общего правила. Ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах провозглашает право каждого человека «при рассмотрении любого предъявленного ему уголовного обвинения... на основе полного равенства... быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника» [2, с. 100]. Само по себе это провозглашение еще не позволяет включить участие

подсудимого в круг обязательных условий судебного следствия для обоснованности приговора, ибо эта формулировка говорит об очном разбирательстве как о субъективном праве подсудимого.

Действующее законодательство рассматривает очность разбирательства именно как гарантию установления истины по делу, допуская заочное разбирательство лишь в исключительных случаях, когда интересы правосудия не могут пострадать (ч. 2 ст. 246 УПК). Предусмотренные законом основания для заочного рассмотрения дела расширительному толкованию не подлежат [3]. Поэтому, например, отказ подсудимого от участия в судебном заседании (если нет условий, оговоренных в ч. 2 п. 2 ст. 246 УПК) не дает суду законного основания для рассмотрения дела в его отсутствие.

Ст. 263 УПК, позволяющая удалять подсудимого из зала судебного заседания при повторном нарушении им порядка, явно не соответствует такому подходу, требующему участия подсудимого в судебном разбирательстве для вынесения обоснованного приговора.

Участие обвиняемого в судебном разбирательстве, являясь его субъективным правом, стеснение которого есть существенное нарушение уголовно-процессуального закона (п. 3 ч. 2 ст. 345 УПК), с точки зрения достижения обоснованности приговора не имеет значения. Подтверждением тому служит закон, который указывает, что признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу (ч. 2 с. 77 УПК). Приговор может быть основан на совокупности таких доказательств, которые позволили бы обойтись и без показаний обвиняемого, если он отсутствует или удален, или отказался отвечать на вопросы, давать показания.

В соответствии с законом не является обязательным участие по делу сторон (ст. 48, 50, 217, 228, 250, 251, 253 УПК). Из числа изученных 156 уголовных дел 23 (14,7%) слушались, кроме подсудимого, без участия сторон.

Исследование доказательств в судебном следствии не всегда носит развернутый характер. Так, судьи уклоняются от производства необходимых следственных действий и предпочитают

ют оглашать данные, полученные на предварительном следствии и дознании, даже если отсутствуют или не выяснены обстоятельства, указанные в ч. 1 ст. 281 УПК. По нашим данным, судьи прибегают к оглашению различных материалов по 100% уголовных дел (из 156 изученных). При этом к оглашению показаний и объяснений, данных на предварительном следствии, суды прибегали по 11,5% дел. Из оглашенных показаний и объяснений, протоколов и иных документов исследовалось только 58,2% таких доказательств, а 41,8% никак не проверялись. Из числа оглашенных документов наиболее часто по сравнению с другими исследуются характеристика обвиняемого (33,3% случаев) и заключение эксперта (26,3%). Если говорить о различных источниках доказательств, то отношение оглашенных неисследованных к оглашенным исследованным доказательствам составляет примерно: показания подсудимого, потерпевшего и свидетеля – 1:1; протоколы следственных действий – 2:1; справки – 3:1; характеристики – 3:1; заключения экспертов – 5:1. При этом исследование часто носит непродолжительный и формальный характер. Например, считается исследованной характеристика, если у подсудимого спрашивалось, согласен ли он с изложенными в ней сведениями.

Свертывание судебного следствия имело и своих противников [4, с. 57], и своих горячих сторонников [5, с. 78–79]. УПК РСФСР 1923 г. (ст. 396) допускал широкое использование при постановлении приговоров документов и показаний, имеющих в деле, но не оглашенных и не исследованных судом. В дальнейшем развитие советского уголовного процесса шло по пути укрепления начал непосредственности, что служит гарантией постановления обоснованного приговора.

Для освещения содержания судебного следствия представляется целесообразным рассмотреть те черты, которые являются определяющими для достижения обоснованности приговора. Необходимо установить, в какой степени та или иная черта судебного следствия влияет на достижение обоснованности приговора.

Существенной чертой судебного следствия является проведение судебного разбирательства судом. В Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод указано на «справедливое и публичное разбирательство дела... независимым и беспристрастным судом, созданным на основе закона» [6, с. 237]. В связи с этим положением законным является сочетание коллегиального и единоличного порядка проведения судебного разбирательства. Колле-

гиальность – начало, которое присуще советскому уголовному судопроизводству с момента его возникновения [7]. До 1992 г. все уголовные дела рассматривались в судах коллегиально судьей и двумя народными заседателями. На основании Федерального закона от 29 мая 1992 г. уголовные дела по выбору подсудимых рассматривались судьей единолично или судьей и двумя народными заседателями, если в соответствии с УК могло быть применено наказание, не превышающее пяти лет лишения свободы.

В 1996 г. ст. 15 УПК была дополнена ч. 2 и 3, предусматривающими рассмотрение уголовного дела коллегиально: в составе трех профессиональных судей, если лицо обвиняется в совершении преступления, наказуемого лишением свободы на срок свыше 15 лет, пожизненным лишением свободы или смертной казнью [8]; по ходатайству обвиняемого дела о такого рода преступлениях рассматриваются судьей с участием присяжных заседателей. Обвиняемые с каждым годом все чаще подают ходатайства о рассмотрении их дел с участием присяжных заседателей: 1994 г. – 30,9%; 1996 г. – 37%; 1997 г. – 37%; за девять месяцев 1998 г. – 41% ходатайств (100% – дела, поступившие в суды девяти регионов России, где функционирует суд присяжных). Возрастает и число лиц, в отношении которых судом присяжных вынесены приговоры: в 1994 г. – 241, в 1995 г. – 544, в 1996 г. – 618, в 1997 г. – 825, за девять месяцев 1998 г. – 399 [9, с. 5].

Возросло количество дел, рассматриваемых судом присяжных заседателей Алтайского края. В 1998 г. поступило с ходатайством о рассмотрении судом присяжных в Алтайский краевой суд 31 дело на 36 лиц (19,49%), в 1999 г. – 41 дело на 94 лица (из них 3 дела с 1998 г.), что составило 21,46% от общего числа поступивших дел. В связи с резким снижением количества оправдательных приговоров, вынесенных судом присяжных за последние годы, Алтайским краевым судом в 2000 г. было рассмотрено только 21 дело в отношении 42 лиц [10].

В соответствии с Федеральным законом от 18 июня 1998 г. «О приостановлении действия части второй статьи 15 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» [11] дела, подсудные краевому (областному) суду, стал рассматривать суд в составе судьи и двух народных заседателей. В таком же составе рассматриваются дела в регионах, где нет суда присяжных, или в случаях, когда обвиняемый отказался от суда присяжных (ранее такие дела рассматривали трое профессиональных судей).

Большой недостаток ныне действующего коллегиального состава (судья и 2 народных заседателя) – пассивность народных заседателей, что признают и ученые, и общественность. Совершенно определенно обозначился разрыв между возможностью народных заседателей при решении вопросов права и факта.

Исследование показало, что мнение народных заседателей не всегда оказывает влияние на позицию судьи, а если и оказывает, то зависит от характера разрешаемого вопроса. Так, мнение народных заседателей чаще всего воздействует на судью при назначении наказания (43,5% судей принимают в расчет позицию народных заседателей).

По данным проведенного исследования, только 23,9% опрошенных судей считают, что верное убеждение по делу складывается у них в ходе совещания с народными заседателями. При этом наибольший интерес для судей представляет позиция народных заседателей по поводу обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, смягчающих и отягчающих его ответственность обстоятельств, а наименее – по правовым вопросам.

Сфера действия принципа коллегиальности судопроизводства была сужена. В 1996 г. было установлено, что все дела о преступлениях, наказуемых лишением свободы на срок до пяти лет, судья рассматривает единолично, независимо от воли обвиняемого (ч. 2 ст. 35 УПК).

В 1998 г. был учрежден институт мировых судей [12] в Российской Федерации. К компетенции мировых судей отнесено рассмотрение уголовных дел о преступлениях небольшой тяжести, за совершение которых может быть назначено максимальное наказание, не превышающее двух лет лишения свободы, предусмотренное ст. 15 УК РФ (кроме дел о преступлениях, прямо указанных в п. 2 ч. 1 ст. 467 УПК) [13].

Участие сторон в судебном следствии – важное условие для того, чтобы судебное следствие служило достижению обоснованного приговора. О значении, придаваемом участию сторон, свидетельствует требование закона, касающееся следственных действий, выполняемых в судебном разбирательстве, вне зала судебного заседания. Так, если в судебном разбирательстве проводится осмотр, он проводится с участием всех участников судебного разбирательства (ст. 293 УПК). Характерно, что ужесточение репрессии процессуальными средствами (УПК РСФСР 1923 г., ст. 381) обеспечивалось не в последнюю очередь путем устранения из судебного разбирательства сторон.

К сожалению, имеются в действующем законодательстве нормы, ограничивающие права участников процесса в судебном следствии. УПК (ч. 2 ст. 277) в целях «процессуальной экономии» допускает вызов в судебное заседание, возобновляемое после отложения судебного разбирательства, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей «лишь в необходимых случаях». По данным нашего исследования, из числа опрошенных судей сторонники производства некоторых следственных действий в суде без участия сторон составляют 15,2%.

В судебном следствии применяется перекрестное исследование доказательств (например, допрос свидетеля защитником после прокурорского допроса) [14]. История знала и следующую возможность (ныне действующим законодательством отвергаемую): право сторон выступать уже в ходе судебного следствия с изложением позиции относительно исследуемых доказательств. Устав уголовного судопроизводства (п. 3 ст. 630) предоставлял сторонам равное право «делать замечания и давать объяснения по каждому действию, происходящему на суде», а его же ст. 683 обеспечивала подсудимому возможность высказаться при рассмотрении каждого доказательства. Аналогичное правило предусматривал УПК РСФСР 1923 г. (ч. 2 ст. 282).

Ныне действующий УПК обуславливает право подсудимого давать показания в любой момент судебного следствия с разрешения председательствующего (ч. 4 ст. 280).

Непосредственность, выражающаяся в обязанности суда первой инстанции «непосредственно исследовать доказательства по делу: допросить подсудимых, осмотреть вещественные доказательства, огласить протоколы и иные документы» (ч. 1 ст. 240 УПК), существенна для достижения обоснованности приговора. Представляется, что формулировка понятия непосредственности противоречива. Во-первых, суд не является первооткрывателем содержащихся в источнике доказательств, фактических данных, полученных в установленном законом порядке. К моменту судебного следствия, как правило, все или почти все доказательства бывают собраны и имеются в деле.

Во-вторых, применительно к протоколам и иным документам ч. 1 ст. 240 УПК, требующей их оглашения, полагаем, их оглашение не является непосредственностью в исследовании доказательств.

Непосредственность судебного разбирательства – одно из наиболее важных условий судей-

ской независимости и прав личности в судебном следствии.

В ст. 286 УПК предусмотрено правило об ограничении непосредственности в исследовании доказательств: вместо непосредственного допроса свидетеля в ходе судебного следствия допускается оглашение его показаний, данных на предварительном следствии, если свидетель отсутствует по уважительной причине. Аналогично решается вопрос относительно оглашения показаний потерпевшего (ст. 287 УПК).

В уголовно-процессуальной теории нет единства взглядов о том, что является началом непосредственности. Некоторые авторы утверждают, что это – метод исследования доказательств, принцип уголовного процесса или общее условие судебного разбирательства [15–17].

Думается, что непосредственность судебного разбирательства – метод исследования доказательств, который в этом качестве образует связующее звено в системе общих условий судебного разбирательства. Последние направлены на обеспечение осуществления непосредственного исследования доказательств.

Особенностью познавательной деятельности суда является то, что процесс опосредованного познания фактов здесь занимает еще большее место, чем в деятельности следователя. Опосредствованное восприятие приводит к более сложному процессу образования мысленной модели. Здесь меньше опоры на непосредственное чувственное восприятие, на зрительные образы. Но это создает и некоторые положительные условия, очень важные для деятельности суда. Опосредствованное познание осуществляется при значительно меньшем воздействии эмоций, а это, в свою очередь, создает более благоприятные, спокойные условия для осуществления процесса познания фактов и их взаимосвязей [17, с. 365–366].

Характер судебного разбирательства как ретроспективного исследования не позволяет создать возможность непосредственного восприятия обстоятельств, входящих в предмет доказывания, хотя бы потому, что деяние предшествует его разбирательству, и его модель восстанавливается по оставленным им в природе следам. Возможность непосредственного восприятия и обработка этих следов за судом признаются (ч. 1 ст. 70, ч. 4 ст. 276 УПК), однако не являются для него типичной.

По изученным 156 уголовным делам не выявлено ни одного случая, когда бы инициатива привлечения новых доказательств исходила от суда. Ходатайства об истребовании новых доказательств заявлялись сторонами лишь по 25,9%

дел, из них по 20,5% дел они были отклонены. При этом подавляющее большинство ходатайств было связано с приобщением (48,2%), обзором (22,2%), оглашением (11,1%) документов, и лишь 18,5% случаев речь шла о вызове новых свидетелей. При этом количество дел, по которым новые обстоятельства, установленные судом и не установленные следователем, были отражены в приговоре, составило всего 4,5% к общему количеству уголовных дел. Таким образом, непосредственное превращение судом оставленных преступлением следов в процессуальные факты-доказательства не является правилом. Это отвечает логике судопроизводства. Устность тесно связана с гласностью, является ее необходимым условием, она связана и с непосредственностью. Устность судебного разбирательства, прежде всего, следует понимать в том смысле, что исследование доказательств ведется посредством живой речи, которая составляет основное средство общения суда и участников судебного разбирательства при исследовании доказательств. Как и другие общие условия судебного разбирательства, устность судебного следствия существенна для достижения обоснованности приговора.

Непосредственность и устность судебного разбирательства могут в полной мере гарантировать надлежащее осуществление правосудия только при непрерывном рассмотрении уголовного дела. Всякие перерывы судебного заседания нарушают последовательность восприятия судом доказательств, что отрицательно отражается на оценке ими доказательств и на формировании их внутреннего убеждения. Ст. 240 УПК ч. 2 требует непрерывности судебного разбирательства.

Многие авторы настаивают на дополнении ст. 240 ч. 2 УПК новыми основаниями для объявления перерывов [19, с. 14]. Думается, в нашем законодательстве нужно предусмотреть максимальный срок длительности перерыва. Известно, что через сутки человек может воспроизвести лишь 60% ранее полученной информации, через двое суток – 30% [20, с. 92–93]. Судьям достаточно хранить в памяти лишь основное содержание полученной информации, нужной для обоснования приговора. Поэтому срок узаконенного перерыва при условии запрета рассмотрения в это время других уголовных и гражданских дел может быть установлен, например, в 7 суток без ущерба для качества решения. Указать в законе случаи, когда допустим перерыв в судебном разбирательстве: истечение времени работы суда

и мирового судьи, наступление нерабочего времени дня; необходимость подготовиться

к судебному разбирательству вновь вступившей в дело стороны и др.

Литература и примечания

1. О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. №7.
2. Права человека и судопроизводство // Собрание международных документов. Варшава, 1996.
3. Среди опрошенных судей лишь 6,5% согласились, что следует расширить случаи заочного рассмотрения уголовных дел, однако 19,6% одобрили заочное разбирательство дел в отношении скрывающихся от суда обвиняемых.
4. Строгович М.С. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства и некоторые вопросы защиты в советском уголовном процессе // Вопросы защиты по уголовным делам. Л., 1967.
5. Пашкевич П.Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М., 1984.
6. Собрание международных документов. Варшава, 1996.
7. Коллегиальность (судья и два народных заседателя) была провозглашена Декретом о суде №1, а затем окончательно утвердилась в Положении о судоустройстве РСФСР от 31 сентября 1922 г. В 1938 г. народные заседатели появились и в военных трибуналах.
8. Действие части второй приостановлено с 14 июля 1998 г. до введения в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (Федеральный закон от 9 июля 1998 г. №95-ФЗ).
9. Шурыгин А. За пять лет суд присяжных дошел до девяти регионов // Российская юстиция. 1998. №12.
10. Отчет Алтайского краевого суда о работе суда присяжных перед Верховным Судом РФ за 1998–2000 гг.
11. СЗ РФ. 1998. №28. Ст. 3260.
12. О мировых судьях в Российской Федерации: Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. №188-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 51. Ст. 6270; О порядке назначения и деятельности мировых судей в Алтайском крае: Закон Алтайского края // Алтайская правда. 1999. 30 сент.
13. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Федеральный закон // СЗ РФ. 2000. №33. Ст. 3345.
14. Согласно подп. «е» п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах обвиняемый имеет право «допрашивать показывающих против него свидетелей».
15. Тыричев И.В. Принципы советского уголовного процесса: Учебн. посо. М., 1983.
16. Сарбаев Э.С. Принцип устности и непосредственности в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1967.
17. Шундилов В.Д. Принцип непосредственности при расследовании и рассмотрении уголовного дела. Саратов, 1974.
18. Дулов А.В. Судебная психология. Минск, 1975.
19. Стецовский Ю. Принцип непосредственности и право обвиняемого на защиту // Советская юстиция. 1976. №20.
20. Рубежов Г.С., Беренбойм П.Д. Психологические вопросы судопроизводства // Психологический журнал. 1986. Т. 7. №3.